

**СЛАВЯНСКАЯ
ПАРЕМИОЛОГИЯ И ПАРЕМИОГРАФИЯ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»**

Коллективная монография

Санкт-Петербург – Смоленск
2022

УДК 811.16:398.9

ББК 81.2-3

С47

Ответственные редакторы / Impressum:

Х. Вальтер (Германия), А.В. Королькова (Россия),
В.М. Мокиенко (Россия), С.И. Николаев (Россия)

Редакционная коллегия:

Т.В. Володина (Беларусь), И.В. Кузнецова (Россия),
А.В. Савченко (Россия–Тайвань)

Рецензенты / Rezensenten:

М.Ю. Котова (доктор филологических наук, профессор СПбГУ)
Т.Г. Никитина (доктор филологических наук, профессор
Псковского государственного университета)

Славянская паремиология и паремиография петровского времени: взаимодействие «Своего» и «Чужого»:
коллективная монография / Х. Вальтер, Е.В. Генералова,
И.Г. Гулякова, Л.Б. Воробьева, А.В. Королькова, И.В. Кузнецова,
В.М. Мокиенко, С.И. Николаев, Е.К. Николаева,
Л.П. Павлова, Л.М. Рязановский, Е.И. Селиверстова, Л.Л. Федорова,
Л.Ф. Щербачук. – Санкт-Петербург: СПбГУ; Смоленск: СГУ, 2022. – 160 с.

С47

ISBN 978-5-88018-704-1

УДК 811.16:398.9
ББК 81.2-3

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-42008
«Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный
феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)»,
реализуемого в Санкт-Петербургском государственном
университете*

ISBN 978-5-88018-704-1

© Коллектив авторов, 2022

Елена Каировна Николаева
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
elena_kairovna@mail.ru

Сергей Иванович Николаев
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
sergej_nikolaev2@mail.ru

Польские пословицы в кириллической записи первой половины XVIII века

Польская пословица вызывала в конце XVII – первой половине XVIII вв. живой интерес у русских читателей, в частных библиотеках того времени встречаются печатные сборники польских пословиц, при этом польские пословицы в России не только читали, но и переписывали, до нашего времени дошло несколько рукописных подборок пословиц на польском языке. В статье публикуется и анализируется подборка польских пословиц, составленная русским читателем в середине XVIII в. Установлен польский печатный источник, которым воспользовался русский составитель подборки польских пословиц.

В истории русских языковых контактов и заимствований в XVIII в. польский язык хотя и не занимает первого места, уступая западноевропейским языкам, в первую очередь французскому и немецкому (см.: Биржакова, Войнова, Кутина 1972, 47–70), тем не менее в русский язык той поры вошел целый ряд лексических полонизмов (см.: Kochman 1975; Милейковская 1984; Witkowski 1999), и в языке отдельных русских писателей явно ощущается польское влияние (см.: Kochman 1972: 39–53; Lechur 1976: 81–93). Не избежал этого воздействия и русский паремиологический фонд. Польские пословицы приходили в русскую речь разными путями: одни путем устной передачи, другие при переводе художественных произведений с польского языка на русский. Некоторые из заимствованных пословиц и поговорок даже попали в первые русские сборники пословиц и поговорок, как рукописные, так и печатные. Наконец, польский язык оказал влияние и на русскую паремиографическую терминологию того времени. Так, распространенный тогда термин «присловье» пришел в русский язык из польского.

Польская пословица вызывала в XVIII в. живой интерес у русских читателей: в частных библиотеках того времени (А.А. Виниуса, А.А. Матвеева, В.Н. Татищева и др.) встречается самый большой сборник польских пословиц XVII в. – «Adagia polonica»

(1632) Григория Кнапского (см.: Николаев 1996: 158). При этом польские пословицы в России не только читали, но и переписывали – до нашего времени дошло несколько рукописных подборок пословиц на польском языке (см.: Перетц 1898; Łużny 1966: 11; Черниловская, Шульгина 1986: 70). Обычно составители подобных подборок просто копировали их на языке оригинала, иногда добавляя к ним латинские комментарии из сборника Кнапского. А вот переписчик одной из неопубликованных подборок середины XVIII в. попытался в процессе своей работы адаптировать польские пословицы, прибегнув к самому простому, хотя и не самому удачному решению – к их записи кириллицей.

Подборка сохранилась в рукописном сборнике середины XVIII в., в состав которого помимо пословиц вошли «Слово в день тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны», выписки из псалтыри и другие мелкие заметки. На первом листе рукописи сделана запись: «Компоновал господин полковник. 1745 года» (см.: Черниловская, Шульгина 1986: 68). Приводим текст пословиц по рукописному сборнику Государственного исторического музея (собр. Черткова, № 271, л. 18–19 об.). Сохраняется орфография и пунктуация рукописи, нумерация пословиц принадлежит нам. Далее в тексте отсылки к пословицам даются с указанием номера пословицы в квадратных скобках.

Polnischen Sprüchwörten

- [1] A biało? Bialo a czarno czarno
- [2] Abo moia geba choleva
- [3] abo pii abo sie bii
- [4] abo szach abo met
- [5] abo tak abo sak
- [6] abos tu po ogien przisziedz
- [7] ani be ani me
- [8] ani do radi ani do zvadi
- [9] baba s vosa kolom lzei
- [10] baranie nie maz vodi //
- [11] bes pieniędzy do targu bes soli do domu
- [12] bes prace nie bendo kołacze
- [13] biada tei kokoszi na ktorei iastrzeba zaprawuią
- [14] bierze vilk i liczone
- [15] biezi iak szvcz z botami na jarmark
- [16] blizsza koszula niz kaftan
- [17] blogo temu przy dvorze komu plug doma orze

- [18] Bog wysoko przyiaciel daleko
- [19] Bogatego pokuta ubogiego biesiada
- [20] brac tam trudno gdzie nie masz
- [21] Broda iak u proroka a rasumu pasz baszno avjiieti simno ... //
- [22] Хлеб в дрозде неценжи.
- [23] Хлоп на клячи езди а клячи шука
- [24] Хлоп стрела а пан буг кули носи
- [25] Хлопа корцем не мержо
- [26] Хлопа на пана не гоци всанжаць.
- [27] Хоци ак овечка а брика як баран.
- [28] Худа фара сам ксондж в плебан цвони
- [29] хворого питаю а здоровому даю
- [30] Худоба цноти не траци
- [31] Циха вода бржеги подрива
- [32] Цо пан буг дал то в кобиалке
- [33] Цо глова то розум
- [34] Цо край то обычай
- [35] Цо се лисо зрочи лисо згине //
- [36] Цо тобе не мило другему не жич
- [37] Цо з очи то з мисли
- [38] Циган свеми цецми свадши
- [39] Сего око не вици тего серцу не жал
- [40] для пршияцеля новего не опускай старего
- [41] для тего коваль ма клещи жебы го не угарало
- [42] добрый хлеб гце колача не маш
- [43] гци песка бию левек не[х] се бои
- [44] гци коня куио а жаба ноги взноси
- [45] гце цябя не може справиц там бабе пошле
- [46] гце двама наготуио и тршеци се поживи.

Все пословицы этой подборки известны и зафиксированы в фундаментальном собрании «Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich» (1969–1972). Проверка всей подборки по этому изданию показала, что большая часть пословиц отмечена в названом сборнике Григория Кнапского (1632), однако некоторые встречаются только в первом печатном сборнике польских пословиц „Proverbiolum polonicorum ... centuriae” (1618) Саломона Рысинского, а соответствия для третьих отыскиваются в других изданиях. Между тем, несомненно, что безымянный «господин полковник» вряд ли сам занимался собиранием польских пословиц. Довольно безграмотная запись позволяет полагать, что у него под руками было какое-то пе-

чатное издание. Поскольку подборку пословиц предваряет запись на немецком языке («Polnischen Sprüchwörten»), а следом за пословицами записан алфавит латинскими буквами, то из этого можно сделать вывод, что у «господина полковника» перед глазами был немецкий учебник польского языка.

В первой половине XVIII в. было издано четыре учебника польского языка, написанных на немецком языке. В учебниках Г. Шлага (см.: Schlag 1734) и К.Ф. Мюллера (см.: Müller 1750) нет раздела, посвященного польским пословицам, хотя в учебнике Мюллера они и встречаются в разделе об употреблении предлогов (см.: Müller 1750: 307–326). Большие подборки польских пословиц напечатаны в учебниках Я. Монеты (см.: Moneta 1738: 177–228. Первое издание учебника вышло в 1720 г., см.: Estreicher 22: 528–529) и Я.К. Войны (см.: Wojna 1756: 241–278. Первое издание учебника вышло в 1690 г., затем он переиздавался в 1693, 1697, 1712, 1720, 1729, 1746, 1756, 1762, 1769, 1780 гг., см.: Estreicher 33: 213–214). Их сравнение с выписками «господина полковника» показывает, что у последнего в руках был учебник Войны. Одним из доказательств является, в частности, то, что в учебнике Я.Монеты вообще нет первых трех пословиц, которыми открывается русская рукописная подборка, и которые есть в учебнике Я.К.Войны. Последний многократно переиздавался и при этом перерабатывался автором, что позволяет уточнить издание, которым пользовался русский переписчик. В изданиях до 1729 г. включительно пословицы печатались только на польском языке, поэтому раздел был озаглавлен «Die Polnische Sprüchwörter», а в издании 1746 г. и последующих польские пословицы печатались уже с параллельным немецким переводом под заглавием «Die Polnische und Deutsche Sprüchwörter» (см.: Estreicher 33: 213). Таким образом, русский переписчик польских пословиц выписал их из учебника польского языка Я.К.Войны, причем он воспользовался изданием первой трети XVIII в., вероятно, 1729 г. В настоящей статье мы использовали издание 1756 г. Оно, несомненно, отличалось от предшествующего, например пословице “Цо тебе не мило другому не жич» [36] в издании 1756 г. соответствует «Co tobie nie miło, tego drugiemu nie czyj”. Надо полагать, что в издании, которым пользовался русский переписчик, пословица заканчивалась словами „drugiemu nie żucz”. Отметим, что русский переписчик выписывал пословицы не подряд, а с пропусками, так, на 46 переписанных пословиц приходится 59 пропущенных (по изданию 1756 г.).

Безымянный «господин полковник» польского языка не знал, потому-то он и взялся за учебник. Обращение к учебнику на

немецком языке объясняется тем простым обстоятельством, что русских учебников польского языка еще не было, они появятся только в 90-х годах XVIII в. (см.: Семигиновский 1791; Благодаров 1796; Буквар 1796; ср.: Safarewiczowa 1971). Из переписанных по-польски пословиц видно, что переписчик не усвоил особенностей польской графики или не придавал ей большого значения. Так, он постоянно пишет *v* вместо *w* [2, 8, 9, 10, 13, 14, 17], *i* вместо *y* [6, 8, 9, 10, 11, 13, 15, 18], путается с написанием носовых гласных [3, 2, 10, 12, 13] и мало обращает внимания на диакритические знаки. В результате некоторые польские слова сильно искажаются, например, *do zwady* превращается в *do zvadi* [8], *z woza* в *s vosa* [9], *szwiec* в невразумительное *szvzc* [15]. Последняя в подборке пословица на польском языке [21] искажена уже до полной неузнаваемости (в оригинале – «Broda iak u proroaka a snota iak u draba» – *Wojna* 1756: 244). Очевидно, переписчику работа по копированию польского текста показалась утомительной и со следующего листа рукописи (л. 19) он стал записывать польские пословицы кириллицей.

Основы польской фонетики изложены в учебнике Я.К.Войны довольно полно (см.: *Wojna* 1756: 193–198), однако переписчик пословиц ориентировался, как можно судить, скорее на живое произношение, чем на правила. Особую сложность для него представляли польские носовые гласные, согласные с диакритическими знаками и сочетания согласных. Так, *ę* он может передавать правильно как *en* [22], но чаще передает как *e* [32, 43, 45, 46]. *ą* может быть передано правильно как *он* [28] в середине слова, но в окончаниях глаголов 3 л. мн. ч. чаще передается как *о* [29, 43, 44, 46]. Переписчик не только пишет в польском тексте *i* вместо *y*, но и в транскрипции передает у как *и* [29, 30, 31, 35, 36, 37, 38, 42, 46]. Для передачи буквенного сочетания *rz* переписчик использовал три варианта: *рж* [31], *рш* [40, 46], *ж* [25]. Также три варианта использовано для передачи *ć*: *ць* [26], *ц* [38, 45], *ч* [36, 46]. *Dz* может передаваться и как *ц* [28, 38, 26, 35, 44, 46], и как *д* [23]. Примечательно, что польское *g* переписчик регулярно передает той же самой буквой *g* латинского алфавита [24, 26, 31, 32, 36, 39–46].

В транскрипции польских пословиц заметна тенденция переписчика (правда, реализованная непоследовательно) отразить не столько книжные правила, сколько живое произношение. Вместе с тем, в его передаче польских слов ощутимо воздействие русского языка. Под его влиянием он неверно передает *tryka* ('бодаться') как *брика* [27]. Схожая ошибка и в пословице [40]: *nie opuszczaj* ('не покидай') неверно передано как *не опускай*. В пословице [29] из-под пера

переписчика невольно вышла неполногласная форма: *zdrowemu – здравому*. Эти ошибки появились в результате слабого знания лексики польского языка, именно из-за этого переписчик стал жертвой типичных «ложных друзей переводчика». Однако нельзя не отметить, что некоторые пословицы переписаны по-польски без ошибок [4, 5, 7, 19] или с незначительными погрешностями [1, 16, 20], а некоторые транслитерированы кириллицей вполне удовлетворительно [24, 33, 34, 35]. Правда, в этих пословицах нет специфических польских сочетаний букв или букв с диакритическими знаками.

Историю появления подборки польских пословиц в русском рукописном сборнике можно представить следующим образом. В 40-х годах XVIII в. безымянный «господин полковник» оказался в составе русских войск в Польше. Несколько освоившись с польским языком в общении с поляками, он решил подкрепить свои практические знания теорией и обратился к учебнику Я.К. Войны – самому распространенному в то время учебнику польского языка, написанному на немецком языке. Учебник Я.К. Войны в середине XVIII в. был известен и в России (см.: Кулябко, Бешенковский 1975: 198). Особых успехов безымянный «господин полковник» не добился. Судя по переписанным польским пословицам, он не усвоил особенностей польской орфографии, а из переданных кириллицей пословиц видно, что он столь же плохо усвоил и польскую фонетику и имел смутное представление о лексике: он не столько знал, сколько догадывался о значении польских слов, которые, на его взгляд, совпадали по своему внешнему облику с русскими. Саму мысль о передаче польских пословиц кириллицей нельзя признать удачной – без знания польского языка они все равно оставались непонятными. Переписчик, очевидно, уяснил это в ходе работы и бросил свою затею.

Публикуемая подборка польских пословиц – далеко не единственный пример записи польских текстов кириллицей. В 1706 г. в Москве были напечатаны панегирические стихи Д. Гурчина «Триумф польской музы» в честь Петра I и А.Д. Меншикова. В этом издании сначала идут стихи на польском языке, затем дана их довольно точная транскрипция кириллицей (см.: Быкова, Гуревич 1958: 138–140; Берков 1958: 47). Позднее А.П. Сумароков в статье «О происхождении российского народа» привел очень приблизительную и отчасти русифицированную транскрипцию кириллицей польского текста молитвы «Отче наш» (см.: Сумароков 1782: 132–133). Но больше всего польских текстов, записанных кириллицей, сохранилось в русских рукописных песенниках XVII–XVIII вв. (см.: Позднеев 1963: 158–167; Позднеев 1970: 56–70; Pozdniejew 1962: 477–489; Filippowa,

Pozdniejew 1966: 419–428; Obrębska-Jabłońska 1966: 429–434). Благодаря своему лирическому сюжету и привязке к мелодии, на которую они исполнялись, эти песни долгое время сохранялись в транскрибированном виде, хотя в процессе многократной переписки они постепенно русифицировались. Нельзя сказать, что транскрипция кириллицей польских пословиц сделана значительно хуже или неверно, просто такой малый фольклорный жанр как пословица вряд ли мог существовать в виде кириллической записи – без знания польского языка эти тексты непонятны. Опыт подобной адаптации польских пословиц в рукописном сборнике середины XVIII в. оказался неудачным и бесперспективным. Переводчики художественных произведений с польского языка уже разрабатывали в это время другие виды адаптации пословиц и поговорок – дословный перевод или поиск русских эквивалентов. Как раз по этому пути пошла в дальнейшем и теория художественного перевода.

Анжелика Викторовна Королькова

СмолГУ, Смоленск, Россия

lika.korolkova@bk.ru

Паремии петровского времени в русской афористике XVIII века

В данной статье рассматривается отражение национально-культурных кодов корпуса русских паремий петровского времени в афоризмах XVIII века. Базовые концепты паремиологического фонда петровского времени нашли прямое и опосредованное отражение в литературных авторских изречениях XVIII века, что свидетельствует о преемственности в развитии концептуальной картины мира русского этноса. Русская афористика XVIII века, осмысляя послепетровскую действительность, напрямую соотносится с концептуальными основами паремиологического фонда той эпохи.

Паремии Петровского времени отражают национально-культурные коды паремий эпохи; они являются базисом концептуальной и языковой картины мира этноса и в настоящее время. Концепты (ключевые слова), являющиеся основой и в паремиях, и в афоризмах, в диахронии отражают мировоззренческую эволюцию человека русского мира.

Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко в статье «Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики» указы-